

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт философии

ВЛАСТЬ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ЗАПАДА

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В. В. МШВЕНИЕРАДЗЕ

Москва «Наука» 1989

к
р
е
я
е
т
е
х
ю
и,
о
а
а
в.
ь
у-
о-
а
о-
и,
и-
ь,
ре
а
в-
х
я
е
т
е

- ³³ Barthes R. Le plaisir du texte. P. 84.
³⁴ Ibid. P. 53.
³⁵ Ibid. P. 64—65.
³⁶ Ibid. P. 68.
³⁷ Барт вспоминает, как однажды, находясь в баре, он обратил внимание на то, что окружен плотным слоем шумов, не достигающих уровня фразы: накладывающиеся друг на друга обрывки разговоров, звон посуды, звуки из телевизора. В этот момент его осенило, что то, что достигает его слуха, — это не «недофразы» и не «предфразы», какими их пытается представить лингвистика, что все это расположено радикально «вне фразы», что оно имеет собственный, не зависящий от фразы знаковый статус; и в этот момент лингвистика как наука о бесконечно протяженной фразе лежала перед ним в руинах. Из этого аудишока он сделал политический вывод, что мы отданы во власть фразы (и следовательно, фразеологии).
³⁸ Barthes R. Le plaisir du texte. P. 80—81.
³⁹ Так, в книге «Сад, Фурье, Лойкола» (Barthes R. Sade, Fourier, Loyola. P., 1971) утверждается, что желание ускользает от политики, а в «Удовольствии от текста» читаем нечто иное: желание — классовая идея и т. д. Бесполезно искать «мост» между этими фразами, Барт противоречит себе намеренно, чтобы постоянно демонстрировать эпистемологический приоритет противоречия над связностью, примат единичного над общим.
⁴⁰ Barthes R. Le plaisir du texte. P. 10.
⁴¹ «Совершенно иного рода удовольствие от стриптиза и от повествования... это интеллектуальное, эдипово, массовое удовольствие, ибо всякое повествование выводит на сцену Отца...» (Ibid. P. 20).
⁴² Ibid. P. 43.
⁴³ Théorie d'ensemble. P., 1968. P. 92.
⁴⁴ «Его друзья из „Тель кель“... соглашаются говорить на всеобщем, бестелесном языке, на языке политическом... мое тело отличается от их тел; оно не может перестроиться по типу всеобщности, той мощи всеобщности, которая заключена в языке. Если бы мне удалось говорить о политике с помощью моего тела, получилась бы одна из самых пышных структур» (Roland Barthes par Roland Barthes. P. 177—178).
⁴⁵ Théorie d'ensemble. P. 45.
⁴⁶ Ibid. P. 79.
⁴⁷ Ibid.
⁴⁸ Blanchot M. L'entretien en infini. P., 1969. P. 21.
⁴⁹ См.: Klossowski P. Sade mon prochain. P., 1967.
⁵⁰ Ibid. P. 46.
⁵¹ Préli G. La force du dehors: Exteriorité, limite et non-pouvoir à partir de Maurice Blanchot. P., 1977. P. 122.
⁵² Ibid. P. 121.
⁵³ Deleuze G. Nietzsche et la philosophie. P., 1973. P. 93.
⁵⁴ Deleuze G. Logique du sens. P., 1969. P. 277.
⁵⁵ Ibid. P. 278.
⁵⁶ Ibid. P. 129.
⁵⁷ Deleuze G. Nietzsche et la philosophie. P. 185.
⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 105.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЛАСТИ (вместо введения)	7
В. В. Мшвенцерадзе	
Раздел I	
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО	37
И. И. Кравченко	
ВЛАСТЬ: ОТНОШЕНИЕ ИЛИ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ? (реляционистские и системные концепции власти в немарксистской политологии)	65
Е. В. Осипова	
ВЛАСТЬ И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ» (поведенческие концепции власти в политической науке США)	95
А. Л. Алюшин, В. Н. Порус	
ВЛАСТЬ И МЕРА («точные методы» в англо-американской политологии)	128
Ю. М. Батурич	
Раздел II	
УСМИРЕНИЕ ВЛАСТИ (политическая философия Б. Расса)	149
В. В. Мшвенцерадзе	
МАССА И ВЛАСТЬ (политическая антропология Э. Канетти)	180
Л. Г. Ионин	
ВЛАСТЬ И ПОЗНАНИЕ (археологический поиск М. Фуко)	208
В. А. Подорога	
ВЛАСТЬ В ПСИХОАНАЛИЗЕ И ПСИХОАНАЛИЗ ВЛАСТИ	256
Н. С. Автономова	
ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА ЛИТЕРАТУРЫ (политическая семиология Р. Барта)	295
М. К. Рыклин	

- ²² См.: Easton D. A framework for political analysis. Chicago; L., 1979. P. 47.
- ²³ Ibid. P. 50.
- ²⁴ Parsons T. Politics and social structure: On the concept of political power. N. Y., 1969. P. 355.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Parsons T. Essays in sociological theory. Glencoe (Ill.), 1954. P. 391.
- ²⁷ Easton D. The political system: An inquiry into the state of political science. N. Y., 1953. P. 128, 133.
- ²⁸ Deutsch K. W. The nerves of government. N. Y., 1963. P. 124.
- ²⁹ См.: Ibid.
- ³⁰ См.: Luhmann N. Soziologische Aufklärung: Aufsätze zur Theorie Sozialer Systeme. Opladen, 1972.
- ³¹ Crozier M. La Société bloquée. P., 1970. P. 35.
- ³² Ibid. P. 36.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid. P. 41.
- ³⁵ Ibid. P. 42.
- ³⁶ Crozier M. On ne change pas la société par décret. P., 1979. P. 52.
- ³⁷ См.: Clark T. N. The concept of power // Community structure and decision-making: Comparative analysis. San Francisco, 1968. P. 46.
- ³⁸ Schulze R. O. The bifurcation of power in a satellite city // Community political system. Glencoe, 1961. P. 20.
- ³⁹ Rogers M. F. Instrumental and infra-resources: The bases of power // Amer. J. Sociol. 1974. Vol. 79, N 6. P. 1422.
- ⁴⁰ Ibid. P. 1423—1425.
- ⁴¹ Ibid. P. 1429.
- ⁴² Ibid. P. 1431.
- ⁴³ Therborn G. What does the ruling class do when it rules? Some reflections on different approaches to the study of power in society // Classes, power and conflict: Classical and contemporary debates. Berkeley; Los Angeles, 1982. P. 227.
- ⁴⁴ Brecht A. Political theory // International encyclopedia of the social sciences. Vol. 12. P. 314.
- ⁴⁵ Dahl R. Power // Ibid. P. 413.
- ⁴⁶ См. более подробно главу «Власть и мера („точные методы“ в англо-американской политологии)».
- ⁴⁷ Eulau H. Political behavior // International encyclopedia of social sciences. Vol. 12. P. 210.

ВЛАСТЬ И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»

(поведенческие концепции власти
в политической науке США)

А. Л. АЛЮШИН, В. Н. ПОРУС

Основные идеи так называемого поведенческого (бихевиорального) направления в политологии¹ были выдвинуты в 20—30-х гг. группой ученых Чикагского университета во главе с Ч. Мерриамом (1874—1953). Значительный вклад в разработку философско-методологических и теоретических основ этой научной доктрины внесли также ученик Ч. Мерриам Г. Лассуэлл (1902—1978) и политолог английского происхождения Дж. Кетлин (р. 1896), близко сотрудничавший с «Чикагской школой». Эти политические мыслители стояли у истоков поведенческой концепции власти, заложили ее фундамент. К их работам мы в основном и будем обращаться в ходе последующего анализа². Наша цель состоит в том, чтобы реконструировать ту исходную модель (модели) власти, от которой они отправлялись в построении своих теорий, и критически проанализировать их существенные, наиболее характерные черты. Но вначале рассмотрим, что нового внес бихевиорализм в буржуазную политическую теорию и методологию в целом.

Заметную популярность среди американских политологов бихевиорализм завоевал благодаря четко выраженной установке на эмпирическое исследование поведения людей в сфере политики. Этим он выгодно отличался в глазах позитивистски и сциентистски ориентированных американских обществоведов, разочаровавшихся в возможностях политических доктрин, разработанных в рамках европейских социально-философских и государственно-правовых традиций XIX в. и характеризовавшихся поверхностным сравнительно-историческим описательством, абстрактным морализмом и спекулятивностью, узким юридическим формализмом. Подвергнув эти доктрины острой и во многом

обоснованной критике, бихевиоралисты предложили программу, которая, как им представлялось, позволяла существенно расширить и обогатить предметное поле и методологию политической науки, выработать более адекватное понимание политической реальности.

Такой реальностью стала считаться вся совокупность проявлений политической системы, ее функций и взаимосвязей. От видения политической жизни сквозь призму нормативно-правовых установлений и абстрактных политических идеалов бихевиоралисты стремились перейти к изучению политического процесса в его многоплановой динамике и взаимосвязи с социальным процессом, а также психологическими мотивами поведения людей. Сфера их анализа распространялась на те группы и организации, которые не вписывались в традиционную, разработанную государствоведами XIX в. схему политической реальности (основой которой был принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную). В фокус внимания бихевиоралистов попадали в первую очередь скрытые, неформальные структуры власти в обществе (группы давления на правительство, пропагандистские центры, гангстерские группировки и т. п.).

Методологическим стержнем программы стал принцип эмпирического редукционизма, заимствованный бихевиоралистами из неопозитивистской философии науки. Согласно этому принципу, фундаментальной предметной областью научно-политического анализа являются эмпирически достоверные факты политического поведения индивидов; научным смыслом обладают только утверждения о таком поведении, которое допускает эмпирическую верификацию; они должны быть отделены демаркационной линией от политической «метафизики», т. е. от утверждений о фиктивных сущностях, какими объявлялись абстрактные политические понятия (сущность государства, суверенитет и пр.), от морально-нормативных оценок политики, суждений о политических идеалах и ценностях (равенство, справедливость и пр.).

Бихевиоральный эмпиризм в политологии, выступавший аналогом программы неопозитивистов по эмпирическому обоснованию науки в целом, имел специфическую «терапевтическую» направленность. Очищение политической науки от метафизики имело целью не только достижение идеала объективного, оценочно-нейтрального знания, свободного от субъективных примесей и верований, но прежде всего — выработку объективных, основанных на

знании самой «природы» политической реальности рецептов для излечения очевидных, остро проявившихся в междоусобицы десятилетия социальных недугов. В этом состояла еще одна важная причина быстрого и устойчивого роста популярности бихевиоралистской политологии в США и странах Западной Европы.

Перенесение на политологическую основу методологических образцов, разработанных неопозитивистами в основном на материале естественных наук, имело то важное следствие, что политическая реальность стала трактоваться бихевиоралистами как часть естественной, природной реальности, а политические процессы — протекающими согласно некоторым неизменным, универсальным формам, «регулярностям», устанавливаемым в эмпирическом исследовании. Основания этой формальной устойчивости, повторяемости поступков и процессов были отнесены к природе человеческого индивида, и тем самым была возрождена в своем мировоззренческом статусе имеющая давнюю философскую традицию концепция «естественного человека» в политическом мире. Перед общей политической теорией была поставлена задача: вывести явления политической жизни, объяснить их из естественно присущих человеку свойств, характеристик его жизненного поведения. Обобщения этих явлений должны были составить эмпирические законы, по которым можно исследовать функционирование и эволюцию политических структур общества.

Политический процесс, трактуемый как производный от фундаментальных жизненных характеристик человеческих индивидов, предстал перед бихевиоралистами как актуализация некоторого изначального волевого устремления, придающего политический смысл всякому поведенческому акту. Таким устремлением они считали достижение и использование власти. Стремление к власти объявлялось доминирующей чертой человеческой психики и сознания, следовательно, определяющей формой политической активности человека. Власть — исходный пункт и конечная цель политического действия; политический человек — это для бихевиоралистов человек, стремящийся к власти. В известном смысле вся политическая теория оказывалась учением о власти.

Традиционные, «добихевиоральные» политические учения также рассматривали власть как центральную проблему, однако их трактовка власти не выходила за рамки анализа межинституциональных отношений и иерархии

социального подчинения. Бихевиоралисты значительно расширили содержание этого понятия, приравнивая его к «политическому отношению» в целом. Характерна, например, следующая мысль Дж. Кетлина: «Политическая наука становится равнозначной исследованию власти в обществе, то есть превращается в науку о власти. Это наука о действительной воле к власти и ее рациональной координации в обществе»³.

Бихевиоралисты часто называли свою концепцию «реалистическим подходом» или «политическим реализмом». Эта терминология имеет несколько значений. Во-первых, в нее вкладывается тот смысл, что бихевиоралисты поворачивают политологию лицом к человеческому поведению, лежащему, по их мысли, в основе любых политических явлений. В этом смысле реализм поведенческой концепции противопоставлялся «нереалистическим», оторванным от естественной действительности традиционалистским политическим теориям⁴. Во-вторых, реализм политологии ставился в ряд с реализмом естествознания, как его трактовали позитивисты: во главу угла ставятся «реальные факты», исследователь обязан относиться к политическим явлениям абсолютно непредвзято, вне каких-либо субъективно-ценностных предпосылок; напротив, любые ценности, идеалы должны пройти испытание фактами. В-третьих, «реализм» провозглашался как ориентир не только политической теории, но и самой политики, осуществляемой по рецептам и рекомендациям политологов.

В течение двадцатилетнего периода своей эволюции бихевиоральное движение в политической науке США стало господствующим (особенно в конце 50-х — начале 60-х гг.). Его влияние распространилось на многие капиталистические страны, в особенности там, где не было собственных прочных традиций политической теории⁵. Но и в таких странах, как Франция и Англия, где эти традиции были глубокими и давними, бихевиоралистская политология приобрела множество приверженцев⁶. Разумеется, было бы неверно объяснять столь широкое распространение бихевиоральной доктрины одними только ее концептуальными преимуществами (действительными или кажущимися). Несомненной и более важной причиной явилось то обстоятельство, что эта доктрина выступила ответом буржуазной политической мысли на интенсивные экономические и социально-политические изменения, происшедшие в капиталистическом мире середины века. Бихевиоралисты предложили способ теоретического

анализа этих изменений, при котором их негативные, болезненные, кризисные стороны предстали следствиями разлада определенных механизмов «координации», которыми сдерживаются и направляются в легальное, рациональное русло стихийные, разрушительные силы, импульсы, якобы коренящиеся в самой природе человека. Это, с одной стороны, открывало определенную перспективу для диагностирования негативных явлений в политической жизни, их критики с позиции «научно-рационального» анализа, а с другой — отводило эту критику от социально-классовых, социально-экономических причин общественных и политических противоречий. Тем самым бихевиорализм в политологии выполнял, и не без определенных успехов, социальный заказ буржуазного либерализма, заинтересованного в таком развитии политической системы, при котором ее модернизация не затрагивала бы устоев капиталистического общества, но содействовала исправлению, смягчению, «лечению» болезней и пороков этого общества.

История развития этой доктрины обнаружила ее ограниченность, серьезные концептуальные противоречия, практическую беспомощность в решении сложных социально-политических проблем, узость методологических рамок, чрезмерную абстрактность и оторванность от действительного развития политического процесса⁷. Тем не менее бихевиоральные идеи, претерпевая определенные изменения, адаптируясь к меняющейся социально-политической ситуации послевоенных десятилетий, сохранились как ядро политологических концепций, наиболее развитых и распространенных на Западе.

1. Власть как «воля к власти» («силовая модель»)

При первом же знакомстве с концепцией бихевиоралистов обращает на себя внимание характерная деталь — очевидная нестрогость, размытость определений власти, которыми они оперируют. Отчасти это может быть связано с многозначностью английского термина «power»⁸. Теоретики-бихевиоралисты сознательно использовали эту многозначность, размывая грани, которыми отличались различные варианты значений этого термина, до такой степени, что в различных контекстах они употреблялись как синонимы. В то же время в определениях власти постоянно фигурируют и сами эти варианты, и близкие по смыслу

понятия «контроль», «влияние» и др. Определяя эти понятия друг через друга, бихевиоралисты создают обширный, но замкнутый сам на себя круг дефиниций с нечетким, интуитивно улавливаемым полем значений⁹.

Все эти значения, согласно бихевиоралистам, имеют некий центр конвергенции. Стержнем любого «властного» поведения является первоначальный импульс — «стремление к власти», как бы ни трактовалось последнее понятие; например, люди, считает Лассуэлл, могут и не воспринимать свою или чужую деятельность как прямое явное стремление к власти, а просто хотят чего-либо — выиграть схватку, сделать карьеру, приобрести авторитет, принять и осуществить решение, но за всем этим все же стоит стремление к власти¹⁰. Власть, к которой устремляется человек, — средство к «улучшению его политического состояния», с одинаковой неизбежностью применяемое всеми людьми, во все исторические времена, в любом обществе, при любом социально-экономическом и социально-политическом строе.

Трактовка власти как средства «достижения лучшего» имеет двойственный смысл: с одной стороны, она выглядит так, будто для человека есть более значительные ценности, чем власть, ради которых собственно и нужно обладать «властью», «контролем», «могуществом» и т. д.; этими ценностями могут быть польза, богатство, наслаждение (утилитаристский арсенал) или свобода, независимость, безопасность и т. п. С другой стороны, очевидно, что, если исходить из контекста рассуждений Лассуэлла, в ряду этих ценностей власть находится на первом месте, а прочие цели, будучи достигнуты, сами становятся условиями и предпосылками власти. Таким образом, власть трактуется одновременно и как цель, и как средство: буквально все политические действия получают интерпретацию в терминах «воли к власти».

Бросается в глаза подчеркнутое желание бихевиоралистов придать понятию власти предельно общий характер, наделить его универсальными свойствами. «Единственное, что присуще всем типам отношений власти и влияния, — пишет Лассуэлл, — это воздействие на политику. То, как проявляется воздействие и на какой основе оно осуществляется, суть преходящие моменты, конкретное содержание которых в определенной ситуации можно установить, лишь изучая реальные воздействия находящихся в этой ситуации субъектов»¹¹. Таким образом, любое «воздействие на политику», т. е. всякое действие поли-

тического субъекта, приравнивается к «стремлению к власти». В политике все есть власть, и всякая власть есть политика.

Но политика — сфера социального взаимодействия. Индивид, движимый присущим ему по природе властным импульсом и обладающий определенным потенциалом «политической энергии» (без которой воля к власти была бы бесплодной), встречается в этой сфере с другими, подобными ему индивидами, вступает с ними в коммуникацию по поводу власти. Силовое поле этой сферы, испытывающее определенные возмущения из-за постоянных столкновений и взаимодействий индивидуальных волей, — элементарная модель, на которой основоположники поведенческой доктрины пытались проследить следствия, вытекающие из их исходных допущений. Из нее сознательно устранены все прочие качества и характеристики индивидов, социальные, экономические, культурные и другие мотивы и причины их политического поведения. Только индивидуальные «воли к власти» и их взаимодействия — из этого материала строится вся политическая материя, образуясь как прямой результат столкновений и взаимограничений волей, постепенного нарастания и накопления продуктов их прошлого действия, со временем приобретающих стабильные, устойчивые, институциональные формы.

Принципиальное значение для бихевиоралистов имело утверждение о том, что эти формы нельзя понимать как «гипостазированные структуры», «над- и внесубъектные сущности», якобы наделенные особыми силами и подчиненные особым законам¹². Институты в обществе, образуясь на основе некоторых социально необходимых функций или общих чувствований людей, представляют собой агрегаты индивидов, но не реальных субъектов, не воплощения «воли какого-то сверхразума, существующего в обществе, или проявления Абсолютного блага»¹³. Это означает, что власть, принадлежащая социальным институтам, должна не объясняться из сущности этих институтов и их деятельности, а выводиться из отношений власти, в которые вступают индивиды. Лишь отпавляясь от этого уровня («политических атомов», индивидуальных волей), можно проследить, как путем концентрации, слияния, разъединения, столкновения, борьбы, постоянного балансирования множества индивидуальных сил рождаются и воспроизводятся такие относительно устойчивые формы политической власти, как партии, политические организации

и институты, наконец, государство с его аппаратом и органами власти.

Эта идея бихевиоралистов была направлена против концепции «исторической школы», сложившейся в США в конце XIX в. (Г. Адамс и др.), рассматривавшей историю общества как поле приложения надындивидуальных безличностных сил, неизменных законов развития общественных организмов, сводящих роль человеческих индивидуумов и факторы субъективного целеполагания к нулю. Для позитивистски ориентированного бихевиорализма эта концепция выглядела антиэмпиристской метафизикой, апеллирующей к фиктивным сущностям. Но в еще большей степени бихевиоралисты противопоставили свои взгляды марксистской теории социальных и политических процессов, по существу выразив тем самым враждебность буржуазного либерализма этой теории, утвердившей объективную историческую неизбежность радикальных социально-экономических и политических изменений, осуществляемых в процессе классовой борьбы пролетариата против господства буржуазии. Бихевиоралисты критиковали марксизм, предвзято и недобросовестно отождествляя его с вульгарным экономическим детерминизмом и историческим фатализмом.

В то же время их доктрина позволяла дать критическую оценку тоталитарных концепций государства фашистского типа, в которых мифологизированные сверхличностные структуры (национал-социалистская партия, раса, государство) превозносились как абсолютные ценности, перед которыми человеческий индивид, личность, обращался в ничто, и от имени которых фашистские фюреры провозглашали свое «право» вершить судьбами народов.

Важным следствием принятых бихевиоралистами представлений о власти был новый (по сравнению с «традиционализмом») подход к вопросу о государственной власти, государственном суверенитете. Для традиционалистов власть была как бы органически, изначально присуща государству, призванному главенствовать над всеми политическими силами общества, воплощая в себе национальное, народное единство общества. Верховность власти государства не оспаривалась и бихевиоралистами, однако они снимали с нее мистический ореол, отказывались от моралистических, априорных трактовок, пытались найти «естественное» (и в этом смысле лишенное какой-либо ценностной, субъективистской подоплеки) объяснение ее

происхождения, сущности и функционирования. Бихевиоралисты последовательно исходили из принятой ими модели атомарно-индивидуалистических взаимодействий, объявляя государственный суверенитет механическим агрегатом отдельных волей (способным разрушаться и вновь создаваться по механическим принципам)¹⁴, необходимым для концентрации власти, плюралистическим распределенной в обществе, когда это требуется «для нужд общего блага», «для социальной деятельности» и т. д.¹⁵

Критикуя традиционалистские воззрения на государство, как на некий от века данный «резервуар» власти, из которого черпают все общественные институты и отдельные граждане, Лассуэлл отвергал также и мысль о том, что природное назначение этого резервуара заключается в обеспечении «всеобщего блага». Эта иллюзия, писал он, приводила к тому, что неспособность государства выполнить эту задачу объяснялась через разлад его организации, дисфункцию аппарата или какие-либо внешние «разлагающие» влияния¹⁶. Скептицизм Лассуэлла направлялся против абстрактно-моралистской трактовки государства как идеальной силы, воплощенной в деятельности бескорыстных и возвышенных людей, пекущихся о благе граждан. В противовес этой архаичной концепции выдвигалась идея о том, что государственная власть, как и все прочие формы социальной власти, возникает и воспроизводится путем концентрации, слияния, разъединения, столкновения, борьбы и постоянного балансирования имманентных всем политическим субъектам волей к власти.

Основания этих волей бихевиоралистами трактовались по-разному. Например, Лассуэлл делал упор на психологические основания, склоняясь к фрейдизму, а затем — к неопрейдизму. Согласно Лассуэллу, на всех уровнях политической активности ее истоки следует видеть в низменных, эгоистических, часто — иррациональных мотивах (потребность во власти объяснялась как компенсация некоторой духовной и телесной неполноценности; эти психоаналитические идеи, воспринятые, скорее всего, у А. Адлера, выступали как «естественнонаучное», эмпирическое подкрепление поведенческой установки)¹⁷.

Кетлинг, напротив, трактовал политическое поведение с антипсихологических позиций. Психологизм, не без оснований считал он, противоречит изначальным позитивистским установкам на наблюдаемые факты социально-политической жизни и точные количественные методы из-

мерений формальных элементов внешнего поведения¹⁸.

Но, так или иначе, согласно бихевиоралистам, власть государства (как власть вообще) не должна выводиться из каких бы то ни было моральных или ценностных идей. По мнению Кетлина, в целом совпадающему со взглядами других бихевиоралистов, власть в обществе плюралистично распределена между взаимодействующими политическими субъектами таким образом, что определенные группы настолько преуспевают в этом взаимодействии, что объявляют свою власть общезначимой, обязательной для всех. Тогда-то эта группа и получает возможность объявлять себя (т. е. свою власть) «абсолютным сувереном» (т. е. тем, чего нет в реальности, но возникает как политическая уловка, средство для закрепления достигнутого успеха).

Политическая система общества всегда выступает как особая структура, в которой власть распределена между всеми ее элементами так, что устанавливается определенный баланс сил, стремящихся к власти и достигающих ее. Нарушение этого баланса в сторону чрезмерной централизации власти или, напротив, ее распыления влечет за собой дисфункцию и может привести к распаду политической системы¹⁹.

Так намечается первый важный ориентир бихевиоралистской концепции власти: она должна изучать условия сохранения оптимального баланса политических сил (или «воли к власти»). Для этого нужно представить, как именно взаимодействуют между собой «атомы политической материи», в каких формах протекает процесс диффузии и концентрации власти в обществе.

2. Политические отношения как рынок власти («рыночная модель»)

Хаос сталкивающихся индивидуальных волей неизбежно упорядочивается, когда в течение достаточно длительного исторического времени из него вычлениются определенные устойчивые способы взаимодействий в сходных политических ситуациях; постепенно эти «типы» складываются в структуру, приобретающую видимые конфигурации и в известной степени теряющую подвижность. Уже начиная с уровня индивидуальных взаимодействий, субъекты власти вступают в определенные соглашения, «сделки», результаты которых фиксируются в нормах, закрепляются в документах, наконец, вопло-

щаются в устойчивых социальных структурах²⁰. Цель этих соглашений — достижение власти и того, что она дает стремящемуся к ней политическому субъекту. Поэтому всякое такое соглашение есть одновременно и ограничение «воли к власти», и условие для ее реализации. На основе соглашений возникают социальные институты, система которых образует устойчивую «матрицу власти».

Для бихевиоралистов очевидно, что всякое соглашение имеет определенный смысл, если оно соблюдается соглашающимися сторонами. Выполнение соглашения зависит по крайней мере от двух принципиальных факторов: доброй воли его участников и наличия некоторой внешней по отношению к данному соглашению силы, вынуждающей соблюдать принятые обязательства и грозящей санкциями против их нарушителей. Первый фактор предполагает разумность и моральность устремлений людей, что постоянно опровергается стихийными, до- и противоразумными импульсами человеческой природы. Второй фактор предполагает наличие некоторой власти, как бы существующей еще до того, как первичные властные отношения приобретают устойчивые формы.

Парадокс будет очевиден, если воспользоваться аналогией между картиной политического взаимодействия, изображаемой бихевиоралистами, и игрой.

Стандартная игровая ситуация заключается в следующем: побеждает тот, кто выигрывает по правилам (принятым по соглашению), а стремление нарушить правила, чтобы выиграть незаконно, пресекается санкциями. В политической игре выигрыш состоит в увеличении объема власти (по выражению Г. Лассуэлла, этот объем определяется «участием или возможностью участия в принятии существенных решений»)²¹, открывающего путь к ценностям и благам. Представим ситуацию, когда участники игры будут не просто нарушать ее правила, а стремиться изменить их в ходе игры так, чтобы это изменение повлекло за собой выигрыш одной из сторон, т. е. навязывать играющим правила, выгодные отнюдь не всем из них. Пресечь такие действия можно только извне, обладая властью, превышающей власть и силу всех участников игры. Но если игра универсальна и охватывает всех возможных участников (всю политическую систему), то такой внешней силы просто не найдется. Возможность того, что роль этой силы сыграют рациональные или моральные соображения участников игры, исключается исходными посылами бихевиоралистов.

Отсюда — важный вывод: политическая игра должна быть «самосанционирующей». Иначе говоря, правила политической активности должны исходить из нее самой, а не навязываться ей извне. Это должна быть саморегулирующаяся система с механизмом, действующим с необходимостью естественного порядка. Идея такого механизма была заимствована бихевиоралистами из американской буржуазной социально-экономической мысли, в которой еще в начале XIX в. глубоко укоренилось убеждение в том, что основным, свободно функционирующим, ничем не ограниченным регулятором всех общественных, в первую очередь — экономических, отношений является рынок. Считалось, что именно рынок автоматически обеспечивает социальную справедливость, равенство возможностей, условия всеобщего процветания; хорошо отлаженный рынок является условием непротиворечивого развития общества в целом.

Политологи-бихевиоралисты распространили эту идею на сферу политических отношений. «Политическая арена становится рынком власти» — в этом афоризме Дж. Кетлина выражена суть всей поведенческой концепции²². Власть продается и покупается — и осуществляется благодаря этим отношениям. Правила рыночной торговли: учет спроса и предложения, стремление к выгоде, выравнивание цен и конкуренция продавцов и покупателей — они и только они выступают регуляторами, автоматически (без внешнего принуждения) обеспечивающими функционирование политической системы общества. Политические субъекты активно действуют на рынке власти, пытаются выгодно использовать имеющиеся у них ресурсы (от природной воли к власти до накопленных запасов, имеющих уже реальный, овестьвленный объем), где эти ресурсы и получают общественное признание как таковые.

Разумеется, до сих пор речь шла об «идеальном» рынке, где нет ни злоупотреблений, ни сговора, ни нечестной игры, где действуют «чистые» законы торговли и обмена. Но в реальности (как экономической, так и политической) капиталистический рынок имеет другие характеристики. Свободная конкуренция ведет к социальной дифференциации, обострению внутренних противоречий буржуазного общества. Она превращается в борьбу социальных индивидов, групп, слоев, классов, в которой цель — достижение экономической и политической власти — оправдывает средства, отнюдь не совпадающие с нормами «идеального» рынка.

Обман, нарушение законов, пренебрежение моральными и правовыми нормами, грубое силовое давление, демагогия и шантаж — все это обычная практика «рынка власти». Эти явления, конечно, не могли не замечать создатели поведенческой концепции власти. Так, Мерриам с тревогой отмечал тенденцию перерастания политической демократии США в олигархию. «Экономическая власть, — писал он, — неизбежно стремится перерасти в политическую власть... Те, кто контролирует собственность, обязательно будут стремиться превратить свои доллары в голоса избирателей, свою собственность — в политическую власть»²³. Бизнес — «диктатор в семье власти»²⁴; он похож на империю с ее аппаратом подавления и монархией. «Это неудержимо развивающийся конфликт нашего времени, по сравнению с которым все прочие вопросы выглядят карликовыми в своей ничтожности»²⁵.

На первый взгляд в этих высказываниях Мерриам заключено верное понимание природы политического могущества собственнических классов. Но указание на родственную связь между экономической и политической властью играет у чикагского теоретика иную роль. Мерриам видит в «конфликте времени» следствие пагубного несовершенства человеческой природы, из-за которого нарушается чистота проявлений политической жизни, искажается универсальный рыночный механизм власти.

Реальный политический рынок предстает в изображении бихевиоралистов как сфера, в которой царит разгул страстей, социальных пороков и недугов. Это и борьба нелегальных преступных организаций (схватку различных кланов чикагской мафии за власть Мерриам и его сотрудники могли непосредственно наблюдать в родном городе), и политические столкновения групп давления и партий, использующих самые низкопробные средства: в послевоенные годы — это непомерная мощь военно-промышленного комплекса, удерживаемая шантажом и военными угрозами. Слепое, неуправляемое функционирование политического рынка обнаружило его болезненную, иррациональную сущность, как бы воспроизводящую стихийную инстинктивную страсть индивидуальной «воли к власти».

Так для бихевиоралистов рынок власти предстал, с одной стороны, единственно возможной универсальной формой рациональной организации человеческих устремлений к власти, а с другой — в своем реальном воплоще-

нии этот рынок оказывался средоточием кризисных явлений и пороков общества. Бихевиоралисты, однако, не рассматривали это как противоречие своей доктрины. Конфликты, полагали они, возникают из-за несоответствия реальности ее идеальной модели; отсюда — главная стратегическая идея всей доктрины: реальность должна быть исправлена, приведена в ближайшее соответствие с идеалом. Мировоззренческая установка бихевиоралистов в политической теории сводилась к максиме: «понять стихию, чтобы овладеть ею». Это вовсе не означало, что они отказывались от концепции рынка как главной формы существования политических отношений; но этот рынок должен был быть освобожден от поощряемых рыночной конкуренцией патологических крайностей и извращений²⁶. Именно в этой связи бихевиоралисты критиковали социал-дарвинистские концепции, обосновывающие «естественность» и «полезность» неограниченной конкуренции на рынке ссылками на биологическую эволюцию, осуществляемую в жестокой борьбе за существование.

3. Рынок власти и власть государства

Стратегия политической терапии — исправление недостатков и пороков рыночной стихии в политических отношениях — не могла быть осуществлена без опоры на наиболее устойчивые, рациональные и общепринятые формы власти. Это убеждение бихевиоралистов-политологов вело их к подчеркиванию особой роли государственной власти на политическом рынке.

Отношение основателей доктрины к государству было двойственным: с одной стороны, как уже отмечалось выше, бихевиоралисты остро критиковали миф «органического государства», естественной, изначальной его власти над отдельными гражданами, мудрости и святости «абсолютного суверена»; с другой — именно государство должно было, по их мысли, обеспечить порядок на политическом рынке, соблюдение его участниками рациональных, социально наиболее желательных правил политических игр. Выполнение последней функции предполагало безусловное вмешательство государства в гражданскую и частную жизнь, ограничение индивидуальной свободы политических субъектов²⁷. Но ведь именно индивидуальную свободу бихевиоралисты и намеревались уберечь через государственное регулирование рыночных процес-

сов, обнаруживающих тенденцию препятствовать равной свободе каждого индивида, его «самовыражению» и «стремлению к счастью» (по выражениям американской Конституции). Власть государства должна была обуздать власть рыночной стихии²⁸. Это столкновение двух родов власти, одна из которых воплощала некий идеал организации, а вторая — иррациональную борьбу страстей, обнажало внутреннее противоречие бихевиорализма как политологической доктрины. «Мы нуждаемся в чем-то большем, чем обычная вера в „невидимую руку“», — писал Г. Лассуэлл²⁹, пересматривая установки американского индивидуализма, по которым никто не может лучше судить о собственных потребностях и интересах, чем сам индивид, а результирующие действий во имя частных интересов как бы по мановению «невидимой руки» приводит общество к гармонии и всеобщему процветанию. «Рука», действительно способная преобразовать благо индивидуальной свободы в общественное благо, утверждали бихевиоралисты, — это вполне осязаемая рука государственной власти, которая лучше знает, в чем состоят подлинные интересы граждан³⁰.

Государственная власть представлялась бихевиоралистам разумной упорядочивающей силой, стоящей над «политическим рынком» и обеспечивающей его нормальное функционирование. В синхронном разрезе политической структуры общества государство как бы обладает властью до и сверх всякой власти, является всеобщим условием процесса распределения и перераспределения отношений власти в обществе. По существу это означает всеислие государства, установку на его антидемократизм, что, конечно, вступает в противоречие с исходными предпосылками буржуазного демократизма и либерализма, разделяемыми бихевиоралистами. Видимость априоризма государственной власти — именно на этой видимости останавливались буржуазные традиционалисты — исчезает при диахроническом анализе, обнаруживающем конкретно-исторические основания возникновения государственной власти.

Выступать одновременно против всевластия рыночной стихии и против засилья государства оказалось для бихевиоралистов неразрешимой задачей; они склонялись к антидемократическим проектам политической системы, хотя и питали просветительские надежды относительно рациональной и прогрессивной политики государства. Это противоречие рыночной и этатистской линий в идео-

логии буржуазного либерализма, на позициях которого в целом стояли бихевиоралисты-политологи, наиболее типично для их доктрины³¹.

Однако сами основатели доктрины были убеждены в возможности построения «новой модели власти», основанной на непротиворечивом синтезировании экономических, политических и научно-технических факторов взаимодействия между государством и рынком власти³². Мерриам выдвинул идею систематического формирования «благоприятных черт» индивидов, таких социальных качеств, какие в наибольшей степени облегчали бы внесение порядка и рациональности в политический процесс. Такая «управляемая эволюция» индивида должна была быть направлена медициной, психологией, биохимией, комплексом научных дисциплин, изучающих процессы наследования психических черт и позволяющих воздействовать на эти процессы³³.

Подобные идеи развивал и Лассуэлл, опиравшийся на психоаналитические учения о «социальной терапии». Государственная власть, сосредоточенная в руках «ученых-политиков», по замыслу Лассуэлла, должна взять на себя функцию контроля за политическим поведением индивида. Сочетание этих функций обеспечило бы, по его мнению, наибольшую эффективность политического управления. При этом акцентировалась «терапевтическая» функция, которая, собственно, и делает возможным установление тотального политического контроля со стороны государства.

Утопизм лассуэлловской «социальной терапии» особенно ярко выражен в его идее «возвращения власти» к «атомам», конкретным индивидам — членам гражданского общества; разумное правление, освободив эти атомы от бессознательных негативных мотивов (корысть, агрессия, жестокость), как бы вновь передает власть (постепенно, небольшими «порциями») участникам политического рынка, в котором больше не доминируют стихийные, аффективные процессы³⁴. Надо отметить, что эта идея отошла на второй план в ходе дальнейшего развития бихевиоралистской политологии, зато мысль о могуществе тотального контроля над поведением, достигаемого с помощью методов манипулятивного воздействия на психику индивидов, нашла весьма широкое распространение и использовалась, например, в буржуазных теориях социальной и политической пропаганды.

Государственная власть, которая по проектам бихевиоралистов призвана внести порядок и рациональную организацию в социально-политический процесс, обуздать стихию человеческих страстей, должна быть реальной, опираться на силу. Но эта сила не должна использоваться для насилия — в этом программном лозунге теоретиков Чикагской школы заключалась квинтэссенция их либерального утопизма³⁵. Власть без принуждения, власть как эманация разумного начала, обуздание рыночной стихии исключительно с помощью психоаналитических манипуляций или просветительской идеологии — подобные средства оказались крайне сомнительными в эпоху жесточайших социальных и политических битв XX столетия.

4. Политический рынок как состязание субъектов власти («игровая модель»)

В «силовой» и «рыночной» моделях политического процесса, предложенных бихевиоралистами, субъекты власти изображены исключительно абстрактно. По сути, над фундаментом их «естественной» воли к власти не возводятся никаких построек, индивидуализирующих, конкретизирующих, приближающих к реальности политических взаимосвязей в обществе. Речь шла только об ограничениях стихии власти, протекающих из механического упорядочивания взаимодействий во всеобщей борьбе за власть и постепенном преобразовании этих взаимодействий в саморегулируемые механизмы обмена властью и приравниваемыми к ней ценностями. Однако очевидно, что как бы ни были значительны нивелирующие силы этих механизмов, как бы ни стирали они индивидуальные различия между участниками политического процесса, эти различия, в свою очередь, несомненно оказывают воздействие на работу механизмов распределения и перераспределения власти.

Вступая на политический рынок, субъекты власти располагают не только различными «запасами» власти и не только различными по интенсивности импульсами «воли к власти». Они также различаются своими способностями, умением ориентироваться в динамичных и быстро меняющихся обстоятельствах, большей или меньшей коммуникативностью, гибкостью стратегий, избираемых для достижения своих целей, и т. д. Одни участники этого «со-

стызания» охотно идут на риск, азартно включаются во все новые «игровые» ситуации, другие склонны к перестраховке, осторожной стратегии поведения; для одних стремление к «выигрышу» сильнее любых моральных и юридических запретов, другие отступают перед такими запретами, сообразуя свои устремления со своими возможностями. Политическая мотивация способна приобретать черты игровой психологии. На это обстоятельство обращал внимание Ф. Знаецкий еще в середине 30-х гг. Согласно Знаецкому, борьба за власть мотивируется не только целью приобретения власти как верховного блага, но также своим «игровым» характером, доставляющим особое удовлетворение ее участникам. Часто захватывающий азарт этой борьбы выходит на первый план в кругу политической мотивации, оттесняя даже соображения материальной выгоды, какую можно получить с помощью власти. «Страстный участник политической игры, — пишет Знаецкий, — действительно не интересуется идеологиями и политическими программами... Глубокие и искренние идейные стремления мешают успеху в политической игре; поэтому настоящие идейные политики если и участвуют в этой игре, то в виде простых шахматных фигур, передвигаемых опытными, азартными игроками, которые хотя и соблюдают правила, но не думают подчинять игру каким-то отдаленным целям»³⁶. Взгляды Знаецкого, одного из основоположников поведенческого направления в буржуазной социологии, непосредственного истока бихевиоралистической политологии, прямо стыкуются с идеями Лассуэлла и Кетлина, дополняют и развивают их.

Исследователь политического процесса, принимающий подобные взгляды, не только вправе, но даже вынужден абстрагироваться от идейной подоплеку борьбы за власть, от реальных сущностных ее причин и факторов, и должен сосредоточиться на игровой стратегии ее участников (с привлечением математической теории игр, психологической теории решений, а также методов кибернетического моделирования для объяснения и прогнозирования целенаправленного поведения субъектов власти в различных социальных сферах и ситуациях³⁷. Он последовательно переходит от простых моделей «политической игры», в которых рассматриваются взаимодействия двух или нескольких «игроков» с ограниченным набором игровых стратегий, к более сложным, включающим большое число субъектов, и, наконец, к игровой интерпретации всего

политического рынка как всеобщего «пространства игры». В этой модели «политическая материя» предстает как бы сотканной из «узелков» — бесчисленных столкновений, взаимодействий и дальнейших траекторий отдельных «квантов» политической энергии; игровых ситуаций с открытым, недетерминированным исходом. Политический мир предстает как флуктуационная система, в которой все закономерности, все детерминации имеют вероятностный характер; единственной жесткой и неизменной основой этого мира является человеческая природа, тающая в себе истоки всех импульсов политического поведения.

Этот политический мир — театр, поле игры, где успех или поражение зависят от силы, ловкости, настойчивости, гибкости субъекта, его способности к адаптации и перевоплощению, от актерства, везения, удачи, счастливого случая, дарящего успех. Так он видится участнику этой игры, и такую точку зрения развивают бихевиоралисты-политологи.

Акцентируя роль субъективных качеств, позволяющих рассчитывать на успех в политической игре, и, напротив, нивелируя, сводя к минимуму содержательную сторону этой «игры», игнорируя ее объективные основания, бихевиоралисты предельно формализуют политику и политическое поведение. В «игровой модели», как в «силовой» и «рыночной», вместо анализа процесса возникновения и многообразных социально-исторических трансформаций власти и их причин, корнящихся в законах материального производства, предлагается исследование чисто формальных аспектов властных отношений, инвариантных по отношению к реальному содержанию последних. Конечно, нельзя отрицать, что эти аспекты имеют определенное значение и должны быть подвергнуты научному анализу. Однако этот анализ, если он оторван от изучения системы социально-политических отношений, институциональной стороны политической жизни, ее экономического базиса, остается односторонней абстракцией.

5. Идейные истоки и современное значение поведенческой концепции власти

Принципиальная методологическая установка бихевиорализма в трактовке власти заключалась в том, чтобы вывести формальную структуру властных отношений из «естественной» сущности человека, доступной исследованию научными методами. Эта установка не была совер-

шенно новой; помимо очевидного родства с позитивистской методологией, ее истоки восходят к социально-политическим воззрениям эпохи раннего капитализма.

Идея естественной сущности власти в XV—XVI вв. противопоставлялась средневековой идеологии, опиравшейся на догматы религии. Отрицание божественного, сверхприродного происхождения власти, святости ее институтов, низведение их до уровня земных, обыденно-жизненных дел, до «грешной» природы человека выступало для мыслителей позднего Возрождения как орудие в борьбе за автономизацию и секуляризацию социально-политического процесса, входило в комплекс основных идей гуманизма. Так, Н. Макиавелли стремился отделить реальную политическую деятельность от любых «метафизических», моральных и религиозных оснований; не имеет значения, утверждал он, какими нравственными или религиозными критериями руководствуется политик; более того, следует предположить, что вовсе не мораль или религия, а скорее побуждения, которые принято считать низменными (корысть, страх, жестокость, утилитарный расчет и пр.), мотивируют его поведение. Однако высокая цель — укрепление государства и его власти, воплощающих разумное начало в человеческом бытии, укрощающих стихию аффектов и разгул иррациональных анархических сил, оправдывает любые средства ее достижения. Отсюда известный лозунг макиавеллизма: «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступить на путь зла, если это необходимо»³⁸.

Низменность и иррациональность человеческой природы должны быть преодолены в возвышенности и разумности государственно-политической власти, и не беда, если эта власть для своего укрепления использует как раз то, против чего она направлена. Уже у Н. Макиавелли отчетливо видна эта диалектика двух типов власти: природной, иррационально-стихийной, основанной на грубой силе, с одной стороны, и разумной (в этом смысле — сверхприродной), организующей и упорядочивающей, возвышающей общество над биологической природой — с другой. Обе эти власти неразрывно связаны, и укрепление второй возможно лишь с использованием первой; для победы политического разума допустимо применение средств, отвергаемых самим же разумом.

Еще более остро и парадоксально эта диалектика выражена Т. Гоббсом. Власть как природное могущество человека обеспечивается его силой и умом, а ее примене-

ние подчинено «естественному закону»: «человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни и что лишает его средств к ее содержанию, и упускать то, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни»³⁹; естественный закон дает человеку право использовать свою власть по своему усмотрению. Поскольку такое право принадлежит каждому человеку по природе, оно превращается в предпосылку «войны всех против всех» и, следовательно, отрицает само себя в качестве права, превращаясь в полное бесправие и угрожая самому существованию человека, противоречит и «естественному закону».

Выход из противоречия Гоббс находил в ином типе власти. Власть государства есть следствие общественного договора, которым раз и навсегда ограничивается губительное стремление людей к осуществлению своей индивидуальной власти. Это власть, отчуждаемая от «естественного человека» и приобретающая самостоятельное («абсолютное», по Гоббсу) значение и существование. Это, в известном смысле, «неестественная» власть, продукт не природных, а сознательно-человеческих установлений; вмешательство коллективного разума в слепую игру бессознательных (немыслящих) природных сил. Действия этого рационального человеческого Космоса могут и должны изучаться в соответствии с принципами, нормами и законами, имеющими не природный, а разумный характер. Однако в то же время именно естественная природа человека, знание этой природы для ее укрощения и подчинения разумной норме является ключом к пониманию самого этого «сверхприродного», договорно-разумного механизма. Эта мысль имеет важнейший методологический смысл, поскольку ориентирует на исследование человеческой природы, стоящей за политической реальностью и особым образом детерминирующей ее.

Эта теоретическая установка, типичная для философов XVII в., выдвигавших концепцию «общественного договора», имела следствием важный вывод: поскольку природа человека полагается вечной и неизменной, а управляющие ею законы — такими же универсальными и абсолютными, как законы механики, то знание этих законов позволит рассчитывать на изменение общества и государства, приведение их в соответствие с этими законами (в случае отклонения от них). Такое изменение понималось как практическая социальная задача⁴⁰. Но решение этой задачи во многом зависело от того, как именно трактовалась природа человека.

И страсти, и разум, и разрушительное, и созидательное начала — эти и другие противоположности присущи человеку по его природе. Следовательно, каждая из них по-своему детерминирует политическую активность и место человека в политическом процессе. Например, по Гоббсу, разум диктует человеку необходимость сознательного подчинения абсолютному суверену, необходимость абсолютной власти государства, распространяемой на всю сферу человеческого поведения. Но в то же время эта власть не распространяется на суждения самого разума; в противном случае абсолютная власть, направленная на обуздание стихии разрушения и гибели, могла бы обратиться и против своих собственных разумных оснований, стать противоразумной.

Духовный мир человека (тракуемый рационалистически), по Гоббсу, должен обладать суверенитетом и автономией; в его неподвластности — гарант существования всякой власти, не претупающей меру, за которой кончаются власть и порядок и наступает хаос всеразрушительной анархии как обратной стороны противоразумного всеислия власти.

Таким образом, уже у Гоббса мы встречаем идеи, согласно которым в природе человека коренятся как свобода, так и принуждение, и добро, и зло, и разрушение, и созидание; политическая жизнь определяется борьбой и взаимной обусловленностью этих начал, их взаимной мерой. Политические процессы, направленные на установление устойчивого равновесия с природой человека, могут протекать в различных направлениях, в зависимости от того, какие именно природные характеристики человека рассматриваются как существенные и определяющие.

Для Ж.-Ж. Руссо человеческая природа, не искаженная ложными ценностями, прививаемыми цивилизацией и политической борьбой за власть, чужда злу и несправедливости. «Естественный человек» благ по своей изначальной сути, но, попадая в тиски «противоестественных» общественных отношений, основанных на угнетении, подавлении свободы, он ввязывается в противную его природе борьбу за власть, условия которой диктуются его социальными функциями, борьбу, изменяющую его духовность так, что преобладающими психологическими чертами человека становятся властолюбие, жестокость, стремление к подчинению себе подобных.

«Справедливость в народе является добродетелью, присущей его положению точно так же, как насилие и тирания в начальниках есть порок, свойственный их положению», — писал Руссо⁴¹. Руссоизм вел к неизбежному выводу о необходимости социального переустройства в соответствии с лучшими чертами человеческой природы; исправление пороков людей понималось производным от исправления пороков общества.

Дж. Локк, в отличие от Гоббса, не выводил «войну всех против всех» из естественного стремления человека к частной выгоде. «Естественный человек» Локка — это прежде всего участник экономического партнерства, «честной конкуренции», свободно и в равной мере с другими индивидами осуществляющий свое право на обмен благами и услугами. Государственная власть, по Локку, это средство к обеспечению такого гражданского состояния, какое в наибольшей мере соответствует естественной природе человека. Эта природа отнюдь не требует какого-то исправления, напротив, в совершенствовании нуждается именно политическая структура общества. Эта мысль была развита А. Смитом, который видел в стремлении людей к корпоративному экономическому сотрудничеству настолько сильный «естественный» фактор, что он способен «преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность»⁴².

«Корни американской политической идеологии, — как справедливо отмечают советские исследователи-американисты, — уходят в европейскую, прежде всего английскую, политическую философию XVII—XVIII вв.»⁴³. Однако произрастающие из этих корней политические взгляды основателей доктрины бихевиорализма, сформировавшиеся в иную историческую эпоху, радикально изменившую направление развития капитализма и во многом содержание буржуазно-либерального мировоззрения, обладали не только рядом сходных черт и заимствований у классиков политической мысли раннего капитализма, но и существенно отличались от них. Каковы же этих сходства и отличия?

Подобно теоретикам «общественного договора» XVII—XVIII вв., бихевиоралисты исходят из посылки об автономном индивиде («политическом атоме»), изначально ограниченном набором черт и характеристик, вытекающих из общей всем людям универсальной, «внеисторической» природы, т. е. из абстракции естественного челове-

ка». Человеческая природа содержит в себе весь многообразный и противоречивый потенциал индивидуального поведения и комбинации взаимоотношений индивидов. В конечном счете она детерминирует всю систему общественной жизни и государственного устройства в любых странах и во все исторические периоды. Ее законы стоят в ряду универсальных и вечных законов природы (бихевиоралисты, ориентируясь на «антиметафизические» установки позитивизма, чаще всего предпочитали говорить о «регулярностях», «устойчивых формах» и «повторяемости»), могут быть познаны и применены для целей оптимального общественного переустройства.

Общим стержнем политологических учений XVII—XVIII вв. и доктрины бихевиорализма является проблема соотношения индивидуальной свободы (проявляющейся также и в борьбе за власть) и государственной власти. Авторы раннебуржуазных учений склонялись к такому решению этой проблемы, когда подчинение индивида социальным институтам власти является средством для ограничения негативной свободы и, напротив, всемерного развития свободы позитивной, а сама государственная власть направлена на реализацию «лучших» (разумных) сторон человеческой природы. Бихевиоралисты отказались от моральной оценки этих сторон, относясь к ним как к естественным; государственная власть, по их мнению, должна выполнять функцию ограничения и контроля, направляющую поток «естественных устремлений власти» в рациональное русло.

Иначе, чем мыслители раннекапиталистической эпохи, бихевиоралисты решают вопрос о том, каким именно образом может выполняться эта важнейшая функция власти. Гоббс, например, считал достаточными внешнюю покорность индивида, соблюдение гражданских законов. Нарушение этих законов должно было пресекаться санкциями государства. Однако власть суверена не распространялась на внутренний мир граждан, и свобода совести и суждения людей декларировалась столь же абсолютной, сколь и необходимость соблюдать юридические законы. Бихевиоралисты в этом отношении пошли дальше: они признали недостаточность внешнего, насильственного правового регулирования, как и неадекватность юридического мировоззрения в целом. По их мнению, поток индивидуальных страстей должен ограничиваться не только юридическими нормами, но и подвергнуться как бы внутреннему регулированию через установление контроля над поведен-

ческими механизмами индивида (в том числе — к чему особенно призывал Лассуэлл — методами манипулятивного воздействия на сознание и бессознательный уровень психики)⁴⁴.

Главной призмой, сквозь которую буржуазная политическая мысль от Гоббса до бихевиоралистов рассматривала феномен власти, являлась проблема взаимоотношения гражданского общества, рынка и государства. Исторически обусловленные трактовки этого взаимоотношения менялись (у Гоббса, например, главная роль принадлежит государству, у Локка — рыночному саморегулированию общества, у бихевиоралистов государство становится главным гарантом нормального функционирования рынка — как экономического, так и политического), но весь анализ власти сосредоточен вокруг центральной для буржуазной политической философии категориальной пары «рынок—государство» (где экономический рынок рассматривается близким аналогом понятия «гражданское общество»); внутри этой пары формируются и предлагаются решения всех основных противоречий социально-политической реальности.

Политология бихевиоралистов в отличие от раннебуржуазных учений о власти не содержит концепций «естественных» и «неотчуждаемых» прав человека, которые закреплялись бы в гражданских законах; нет в ней и тезиса об абсолютном верховенстве суверена (монархической власти у Гоббса, народовластия у Руссо); фактически отсутствует идея «общественного договора». Однако бихевиоралисты наследуют и свободно развивают некоторые важные элементы учений об «общественном договоре», в особенности — идеи Гоббса о «латентном» стремлении к власти, отнюдь не исчезающем с переходом к гражданскому обществу, а продолжающем пребывать во внутреннем мире человека, пробуждаясь и прорываясь в сферу его поведения при способствующих обстоятельствах, а также идеи о благотворном воздействии разумной власти на соотношение негативных и позитивных свойств политических субъектов. (При всей неизменности человеческой природы она, согласно такому взгляду, все же допускает известное совершенствование в том смысле, что условия, в которые поставлен человек в обществе, могут стимулировать проявление одних, положительных, и приглушать, подавлять проявления отрицательных черт его природы.)

У Дж. Локка и А. Смита бихевиоралисты усвоили концептуальную основу политической философии клас-

сического буржуазного либерализма, у Т. Гоббса — идею сильного и активного государства. Идея договора между государственной властью и индивидом трансформируется у них в «рыночную» модель, в которой отношения обмена потенциалами власти осуществляются по образцу товарно-денежных отношений. В этой модели главным соединительным звеном между индивидом и институтами власти становится не однократный, по существу мифический акт передачи индивидом своих «естественных» прав верховной власти, а бесчисленные сделки, монопольные соглашения и постоянное конкурентное противоборство между всеми политическими субъектами — индивидами, группами, организациями, государственными органами, т. е. всеми, кто обладает универсальным политическим товаром — властью, скрепленные их взаимным признанием в таком их качестве и некоторыми основополагающими, общепризнанными правилами «обмена» и «игры». Таким образом, «общественный договор» как бы постоянно воспроизводит себя в масштабе всего общества, предсуществует «нормальной» (т. е. строящейся по образцу рынка) политической жизни в виде некоторых базисных сознательных и психологических установок, искажение которых ведет к вырождению рыночной демократии, превращению ее в тиранию, где власть держится на физическом и духовном насилии, а не на отношениях партнерства и взаимности.

Особое место в доктрине бихевиоралистов получили положения о том, что государственная власть не только регулирует и упорядочивает «рынок власти», но и сама подвержена влиянию стихии этого рынка, в функционировании которого прослеживаются черты гоббсовской «войны», определяющие имманентно-противоречивую природу политической жизни буржуазного общества. По существу, государственная власть в этой доктрине лишается атрибута абсолютности (как это было у Гоббса) и перестает быть лишь мудрым охранителем естественных прав человека (как у Локка); она становится одновременно условием и следствием нормального функционирования политического рынка, подвергаясь опасности быть поглощенной этим рынком и преодолевая эту опасность за счет рационального (научного) отношения к политической реальности, обеспечивающего средства обуздания рыночной стихии.

Таким образом, интеграция индивида и государства как участников отношений власти у бихевиоралистов имеет существенно иной, чем в раннебуржуазных концепци-

ях, характер. Она основана не на «договорных» началах (хотя элементы «договора» между индивидом и государством, по мнению чикагских политологов, всегда присутствуют: консенсус, осознание индивидами своей фактической принадлежности данному государству и признание верховных требований государственной власти), а на общей вовлеченности — хотя и с разными функциями — в действие всеохватывающих рыночных механизмов, непрерывно воспроизводящее, «подтверждающее» государственную и политическую власть.

Отсюда — важнейший для всей бихевиоральной доктрины принцип «распределения власти», ее плюрализации: властный рынок может существовать и функционировать, только если каждый его участник будет иметь доступ к власти и возможность пользоваться ею. Напротив, рынок будет исчерпан и изживет себя, если такая возможность окажется чересчур ограниченной (когда власть монополизирована, узурпирована, становится авторитарной и тоталитарной). Эта идея также восходит к локковской буржуазно-либеральной доктрине разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, но бихевиоралисты развивали ее в ином направлении. Формально-юридическое разделение властей, явно обнаружившее свою недостаточность в роли гаранта против тоталитаризма и монополизации власти (об этом свидетельствовала вся политическая практика империалистических государств, в особенности фашистских режимов), было заменено в их доктрине требованием максимальной, до пределов возможного, плюрализации, дисперсии власти (в чем прослеживается сходство с уравнительными идеями Руссо), идеалом политической жизни как свободной (и от внешнего монополистического давления, и от иррационально-гипертрофированной, не контролируемой сознанием, психически и социально разрушительной «жажды власти»), игры политических сил, взаимодействующих на «политическом рынке».

Мы видим, таким образом, что вопреки позитивистской установке на элиминацию из научного исследования «доопытных», «метафизических» предпосылок бихевиоралисты все же допускали такие предпосылки, и важнейшей из них был восходящий к Гоббсу постулат о стремлении к максимизации собственной власти как естественной, изначальной черте «политического человека». Это психологическое свойство, фактически порождающее всю политическую жизнь, являющееся движущей силой политики,

согласно бихевиоралистам, недоступно наблюдению «само по себе», но может исследоваться косвенно, через наблюдаемые факты поведения и непосредственного взаимодействия индивидов. Эти и только эти факты составляют предмет действительно научного исследования политики.

Сосредоточившись, согласно такой установке, на исследовании непосредственных взаимодействий политических субъектов, бихевиоралисты отказались рассматривать эти взаимодействия как проявления объективных общественных отношений производства, потребления и обмена, учитывать сущностные связи между объективной логикой господства и подчинения в классово-антагонистическом обществе и конкретными проявлениями власти. Отсюда значительный крен всей доктрины в сторону субъективно-волевого мотивирования поведения политических субъектов, участников отношений власти. К. Маркс критиковал взгляд на политику как сферу, порожденную и воспроизводимую волевыми устремлениями людей. Он писал: «При исследовании явлений *государственной* жизни слишком легко поддаются искушению упускать из виду *объективную природу отношений* и все объяснять *волей* действующих лиц. Существуют, однако, *отношения*, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания. Став с самого начала на эту объективную точку зрения, мы не будем искать добрую или злую волю попеременно то на одной, то на другой стороне, а будем видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица»⁴⁵. Марксова критика остается актуальной по отношению и к бихевиоральной доктрине власти.

Плюрализм власти, балансирование политических сил, как считают бихевиоралисты, невозможны без рационального согласия сторон, без их взаимного признания в качестве властвующих субъектов. В идеале такой баланс был бы симметричным: один политический субъект властвует над другим ровно в той же мере, в какой последний властвует над первым. Реальные же отношения власти, безусловно, асимметричны, хотя это на самом деле не исключает наличия элементов соглашения, признания власти. Однако бихевиоралисты чрезмерно преувеличивают их значение, что является одним из следствий общего преувеличения роли психологических мотивов и волевых факторов в политическом поведении. «Асимметрия»,

принудительность власти, по сути своей, вытекает из социального разделения труда, объективных потребностей социальной системы и наличия определенных функций социального управления. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «...в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и... политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло»⁴⁶. Именно эти факторы составляют основание, образуют «потенциал» власти, который может реализовываться либо в принуждении, либо — в зависимости от конкретных обстоятельств — в иных формах, не исключающих и элемент добровольности, соглашения.

Конечно, процесс борьбы за обладание политической и государственной властью не может протекать иначе, как воплощаясь в деятельности индивидов. Борьба эта «питается», подстегивается психологическими стремлениями вовлеченных в нее лиц к получению индивидуальной власти, однако ни политическая борьба, ни само существование власти как социального и политического феномена не происходят из данного стремления, которое всегда выполняет лишь роль «проводника», условия, не всегда даже необходимого.

Аналогия власти с силовым (физическим) взаимодействием, на которой строится «силовая модель», может быть применена к некоторым простейшим ситуациям, когда в противоборство вступают субъекты, в действиях и намерениях которых нет иного содержания, кроме «чистой» воли к власти. Но за пределами таких ситуаций (есть ли они в действительности — это еще вопрос) «силовая модель» теряет свое значение, становится примитивной абстракцией, не проясняющей, а затемняющей суть властных отношений.

Государственная власть оказывается в руках не просто «самой сильной» группы; она переходит к тем политическим силам, которые оказываются способными к пониманию и удовлетворению объективных интересов класса, господствующего в данном обществе. Безусловно, эта закономерность выступает как общая тенденция, имеет вероятностный характер: у власти могут оказаться и случайные, политически бессильные, ничтожные во многих прочих отношениях группы и индивиды, а также организации, партии и т. п., неверно понимающие объективные социальные потребности. Но в масштабах исто-

рического развития в целом она действует как объективная необходимость, в конечном счете определяющая главную линию прогрессивных социально-политических преобразований.

«Рыночная модель» власти, построенная на аналогии между политикой и экономикой, выводимая из абстракции автономного и равного всем другим «товаровладельца» (которая более или менее адекватно отражает лишь действительность раннекапиталистических обществ), также не обеспечивает универсальности и исторической общезначимости бихевиоральной концепции. Если марксистская трактовка взаимосвязи экономики и политики предстает как качественное преобразование экономической борьбы в политическую, выражение классово-экономических, социальных антагонизмов на уровне политической структуры общества и расстановки политических сил, закрепление классового господства в государственной власти, то бихевиоралисты прямо переносят, проецируют «рыночную модель» экономики на политику и государственную власть. На первый план при этом выплывают внешние, формальные сходства, а существенные связи политики и экономики, качественные различия в их диалектическом единстве отбрасываются или затушевываются.

Иногда теоретики бихевиорализма используют и марксистскую терминологию классового анализа, но на деле наполняют ее совершенно иным содержанием. Лассуэлл, например, понимает под классами «наиболее широкую совокупность лиц, вовлеченных в деятельность, ставящую их в сходное отношение к образованию и распределению (потреблению) одной или нескольких ценностей»⁴⁷. Классы, таким образом, выступают как группы соучастников в «держании» и потреблении тех или иных благ. Следовательно, «сколько существует ценностей (а их Лассуэлл насчитывает восемь. — *Авт.*), столько же имеется и различных классов»⁴⁸. А поскольку эти ценности исторически и социологически относительны и среди них нет ни одной доминирующей (кроме самой власти), то критерии классового деления приобретают релятивный и субъективный характер. Неизменно лишь одно деление: на «элиту», к которой относятся люди, имеющие достаточно большое (Лассуэлл не определяет какое именно) количество некоторой ценности (блага), и неимущую «массу»⁴⁹. Это деление и является для Лассуэлла определяющим в его анализе социально-политической структуры общества.

Политические революции рассматриваются Лассуэллом, как и многими другими бихевиоралистами, вне качественных социально-экономических сдвигов и преобразований, сводятся к представлению о «круговороте власти», «чехарде» элит, борющихся за власть и использующих в этих целях возникающие дисфункции политического и экономического рынка, массовое недовольство и стихийную «разрушительность» толпы, манипулирующих ею с помощью идеологических символов и пропаганды.

Надо отметить, что такого рода политическое мышление, основанное на восприятии политической жизни как калейдоскопического чередования «игровых» ситуаций, в которых сталкиваются политические силы, не только неадекватно, но и чрезвычайно опасно, в особенности в современном политическом мире. Это субъективистское и волюнтаристское по своей сути мышление. Политик, которому оно свойственно, находится в плену иллюзий, что воля, опирающаяся на силу, способна — при благоприятном стечении обстоятельств — достичь буквально всего, даже изменить ход истории, направив его по собственному произвольному желанию⁵⁰.

¹ От behavior (англ.) — поведение. Бихевиорализм как течение в социологии и политологии следует отличать от психологического бихевиоризма, хотя у них есть сходные черты.

² Взгляды бихевиоралистов «второго поколения», среди которых такие известные теоретики, как Р. Даль, Д. Истон, Д. Трумен, рассматриваются в ряде других глав настоящей монографии.

³ Catlin G. The story of the political philosophers. N. Y.; L., 1939. P. 760.

⁴ Непосредственным предшественником «реализма» «Чикагской школы» было «реалистическое» течение в политической науке США, развивавшееся в 90-е годы XIX — начале 20-х годов XX в. (В. Вильсон, А. Лоуэлл, Г. Форд, А. Бентли и др.). Кроме того, «реализм» в политической теории вообще надо отличать от идейно близкого ему, но сформировавшегося позднее (конец 30-х — 40-е годы) «реалистического подхода» в теории международных отношений (Г. Моргентау и др.).

⁵ Бихевиорализм был, в частности, широко усвоен в Финляндии.

⁶ Во Франции эту теорию развивали Ж. Бурдо, А. Ланселло, Ф. Гогель и др.

⁷ Критический анализ теории бихевиорализма проделан в работах Г. К. Ашина, Ф. М. Бурдацкого, А. А. Галкина, С. А. Егорова, Ю. М. Ледовских, А. А. Федосеева, ряда других советских авторов; чешского исследователя Л. Масопуста. Среди большого числа западных политологов, анализировавших историю и теорию бихевиорализма, отметим Р. Даля, Ю. Фальтера, Б. Крика, Д. Риччи, А. Сомита и С. Таненхауза и др.

⁸ Этот термин может означать как власть, так и силу, могущество, энергию, способность и др. Мы будем переводить его как

- «власть», имея в виду значительно больший объем этого понятия.
- ⁹ У Лассуэлла можно встретить около десяти различных определений власти, многие из которых предвосхищали целые направления ее анализа (практически все из указанных в главе «Власть и мера»).
 - ¹⁰ *Lasswell H.* A note on «types» of political personality: Nuclear, co-relational, developmental // *J. Social Iss.* 1968. Vol. 24, N 3. P. 81—91.
 - ¹¹ *Lasswell H., Caplan A.* Power and society: A framework for political inquiry. New Haven (Conn.), 1963. P. 92. (1st ed.—1950). Понимание власти как вида причинения развилось Р. Далем и др.
 - ¹² *Lasswell H.* Psychopathology and politics. N. Y., 1960. P. 246—247. (1st ed.—1930.)
 - ¹³ *Catlin G.* A study of the principles of politics. N. Y., 1930. P. 164.
 - ¹⁴ *Ibid.* P. 439—440.
 - ¹⁵ *Merriam Ch.* Systematic politics. Chicago, 1945. P. 38.
 - ¹⁶ *Lasswell H., Caplan A.* Power and society. P. 184—185.
 - ¹⁷ Это положение теории Лассуэлла было подвергнуто критике со стороны известных западных политологов (Р. Лейн, Ж. Натсон и др.)
 - ¹⁸ *Catlin G.* A study of the principles of politics. P. 40, 47.
 - ¹⁹ *Merriam Ch.* Systematic politics. P. 173—177.
 - ²⁰ «Власть,— замечает Катлин,— ...это или индивидуальный контроль одного человека над поведением другого, отношение столь же простое, как сделка, или социальный контроль, осуществляемый коллективно, что можно назвать соглашением» (*Catlin G.* The science and method of politics. Hamden (Conn.), 1964. P. 244—245. (1st ed.—1927)).
 - ²¹ *Lasswell H.* The analysis of political behavior. L., 1948. P. 37.
 - ²² *Catlin G.* The science and method of politics. P. 262.
 - ²³ *Merriam Ch., Gosnell H.* The American party system. N. Y., 1940. P. 261. (1st ed.—1922.)
 - ²⁴ *Merriam Ch.* Political power // A study of power. Glencoe, 1950. P. 69.
 - ²⁵ *Merriam Ch., Gosnell H.* The American party system. P. 261.
 - ²⁶ Здесь прослеживается связь бихевиорализма с идеологией популизма, прогрессизма и «нового либерализма» (30-е годы XX в.).
 - ²⁷ Политологи «Чикагской школы», как известно, приветствовали «новый курс» Ф. Рузвельта, включавший определенные авторитарные действия правительства в борьбе против кризиса конца 20-х — начала 30-х годов.
 - ²⁸ Весьма характерно, что «новый курс» воспринимался частью американской буржуазии как аналог действий фашистских режимов в Европе.
 - ²⁹ *Lasswell H.* Psychopathology and politics. P. 316.
 - ³⁰ *Ibid.* P. 197.
 - ³¹ См.: Современное политическое сознание в США. М., 1980. С. 59.
 - ³² *Merriam Ch.* Political power. P. 314, 316.
 - ³³ *Merriam Ch.* New aspects of politics. Chicago; L., 1970. P. 103—106. (1st ed.—1925.)
 - ³⁴ *Lasswell H.* Psychopathology and politics. P. 303.
 - ³⁵ См.: *Merriam Ch.* Systematic politics. P. 344.
 - ³⁶ *Znaniecki F.* Ludzie Terażniejsi a Cywilizacja przysłości. W-wa, 1974. S. 284.

- ³⁷ Об использовании этих методов см. главу «Власть и мера».
- ³⁸ *Макиавелли Н.* Соч. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 289.
- ³⁹ *Гоббс Т.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 155.
- ⁴⁰ См.: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 545.
- ⁴¹ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969. С. 401.
- ⁴² *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 393.
- ⁴³ Современное политическое сознание в США. С. 35.
- ⁴⁴ Впрочем, еще Руссо писал: «Самая неограниченная власть — это та, которая проникает в самое нутро человека и оказывает не меньшее влияние на его волю, чем на его поступки» (*Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 119).
- ⁴⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 192—193.
- ⁴⁶ Там же. Т. 20. С. 184.
- ⁴⁷ *Lasswell H.* Power and society. P. 62.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 64.
- ⁴⁹ *Lasswell H.* Politics: Who gets what, when, how. N. Y., 1958. P. 13. (1st ed.—1936.)
- ⁵⁰ Среди прогрессивно мыслящих западных политологов нарастает понимание ограниченности «силового подхода» к политике. Так, например, Д. Болдуин, проанализировав парадокс атомного оружия как «нереализуемой силы» и ряд других примеров, показал ошибочность установки на беспрестанное наращивание военной силы как «гаранта» эффективности внешней политики. При этом он попытался использовать и развить ряд конструктивных элементов концепции власти Лассуэлла (зависимость эффективности власти от ситуативного контекста, в котором она используется, взаимосвязанность субъектов властных отношений и др.). См.: *Baldwin D. A.* Power analysis and world politics: New trends versus old tendencies // Power, strategy, and security: A world politics reader. Princeton (N. J.); Guildford, 1983. P. 3—36.